

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.10>

Жерлицына Наталья Александровна

[Захват Алжира Францией в 1830 г. в оценках европейских авторов XIX века](#)

В статье анализируются причины, побудившие Францию прибегнуть к захвату Алжирского регентства в 1830 г., и роль в потере независимости страны властей Алжира, недооценивших нависшей над ними угрозы. Статья основана на анализе французских и английских источников XIX века, содержащих исторические подробности, до сих пор неизвестные широкому кругу специалистов. Рассмотрение обстоятельств, предшествовавших военной операции 1830 г., свидетельствует, что Франция, вторгаясь в Алжир, ориентировалась скорее на решение своих внутривнутриполитических проблем, чем совершала целенаправленный колониальный захват.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/3/10.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 52-56. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Всеобщая история

General History

УДК 94

Дата поступления рукописи: 27.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.10>

В статье анализируются причины, побудившие Францию прибегнуть к захвату Алжирского регентства в 1830 г., и роль в потере независимости страны властей Алжира, недооценивших нависшей над ними угрозы. Статья основана на анализе французских и английских источников XIX века, содержащих исторические подробности, до сих пор неизвестные широкому кругу специалистов. Рассмотрение обстоятельств, предшествовавших военной операции 1830 г., свидетельствует, что Франция, вторгаясь в Алжир, ориентировалась скорее на решение своих внутривосточных проблем, чем совершала целенаправленный колониальный захват.

Ключевые слова и фразы: Алжирское регентство; Франция; средиземноморская торговля; варварийское пиратство; колониальный захват.

Жерлицына Наталья Александровна, к.и.н.

Институт Африки Российской академии наук, г. Москва

Российский университет дружбы народов, г. Москва

ns_inafr@mail.ru

Захват Алжира Францией в 1830 г. в оценках европейских авторов XIX века

Вопрос захвата Алжира Францией в 1830 г., его причины и цели до сих пор являются обсуждаемыми и вызывающими споры. **Актуальность** данного исследования обусловлена тем, что долгосрочные последствия французской колониальной политики остаются источником социальной, культурной и политической напряженности между Францией и ее бывшими колониями. **Научная новизна** статьи – в привлечении трудов европейских историков – французов и англичан – свидетелей эпохи, которые могут сообщить малоизвестные подробности и заставляют по-новому оценить некоторые факты. **Задачи** исследования заключаются в определении основных тенденций отношений между Францией и Алжиром в канун 1830 г.; анализе причин и предпосылок, вызвавших данный конфликт; установлении ключевых этапов развития противостояния; раскрытии последствий оккупации Алжира.

После возвращения династии Бурбонов на французский престол в 1814 г. правительство королевства задумалось о возобновлении прежних сношений с государствами Варварии (общее название магрибинских провинций Османской империи – Алжира, Туниса и Триполи) и восстановлении своих представительских учреждений и привилегий на их территориях, которые считались важными как из политических, так и из коммерческих соображений. Генеральным консулом Франции с полномочиями вести переговоры был назначен П. Деваль. Первым результатом этой миссии была конвенция, в соответствии с которой африканские концессии были возвращены Франции вместе с исключительным правом ловли кораллов на прибрежных участках Алжира и различными коммерческими привилегиями. В обмен на это французы должны были ежегодно выплачивать Алжиру сумму в 60 тыс. франков [5, р. 39]. Дей Алжира Хусейн (1818-1830) сразу же после своего восшествия на престол поднял ее до 200 тыс. франков [ibidem, р. 40]. В противовес этим требованиям французы стремились доказать свое право на территории Калле и Бастион де Франс, ссылаясь на прежние договоры как с Алжиром, так и с Османской Портой. Однако дей остался тверд в своем решении и выказал признаки подготовки к изгнанию французов из концессий.

На отношения двух государств в этот период также оказывал негативное влияние незавершенный спор о погашении долгов за алжирские поставки пшеницы в крупных объемах в годы Французской революции (1789-1799). Большая часть этих поставок осуществлялась в кредит, позднее было заключено соглашение о погашении долгов при посредстве алжирских коммерсантов еврейского происхождения Багри и Буснаха. Это соглашение не устраивало дея, он считал, что Алжир недополучает несколько миллионов франков. По мере того как проходили годы без каких-либо признаков приближения к окончательному урегулированию,

нетерпение дей становилось все более яростным. Кроме того, в дополнение к досаде, вызванной этой постоянной отсрочкой, он был очень недоволен укреплениями, которые французы возводили в Калле. На свои замечания и расспросы по обоим этим вопросам он получал от французского консула ответы, обычно уклончивые и часто оскорбительные, пока наконец, утомленный задержками и имея веские основания полагать, что консул Деваль лично заинтересован в создании препятствий для урегулирования трудностей, он не решил обратиться непосредственно к французскому правительству. Поэтому в 1826 г. дей написал письмо министру иностранных дел этой страны, в котором, с негодованием выразив свое отношение к поведению французского правительства, заключающемуся в удержании крупной суммы долга и возведении крепостей на территориях концессий, потребовал, чтобы оставшиеся 7 млн франков были немедленно выплачены [4, р. 52].

Гнев дей Хусейна подтолкнул его и к другим недружелюбным по отношению к Франции шагам: алжирские суда задерживали в море и грабили суда стран, которые по соглашению должны были считаться французскими. Помимо этих актов насилия, дей вскоре издал прокламацию, в которой объявил, что всем народам будет разрешено на равных условиях добывать кораллы у берегов его регентства. Консул Деваль жаловался на эти действия на публичной аудиенции 27 апреля 1827 г. Хусейн в ответ высокомерно заявил, что его спровоцировала недобросовестность французов и что он не должен больше позволять им пользоваться какими-либо особыми привилегиями в Алжире. Затем он спросил, почему на его письмо французскому министерству до сих пор не было получено ответа. Консул Деваль издевательски ответил, что его правительство желает общаться с властями Алжира только через него. Хусейн был так взбешен, что схватил большой веер у одного из слуг и несколько раз ударил им представителя Франции. Так случился знаменитый «удар веером», изменивший судьбу Алжира.

Как только французское правительство было поставлено в известность об этом инциденте, в Алжир отправили шхуну с приказом консулу Девалу немедленно покинуть Варварию. Представленный дею ультиматум французского правительства содержал требование извиниться за оскорбление достоинства Франции, нанесенное ее представителю. Извинения должны были быть принесены Девалу в присутствии всех иностранных консулов, проживавших в Алжире; французский флаг требовалось водрузить на Касбе (главной крепости) Алжира и основных фортах, а господину Девалу предстояло получить салют из ста десяти орудий [6, р. 141].

Такое развитие событий свидетельствует, что конфликт произошел из-за того, что Алжир и Франция не доверяли намерениям друг друга. Французы стремились создать постоянные представительства на побережье Северной Африки, чему дей Хусейн, имевший гораздо более определенные политические взгляды, чем, возможно, кто-либо из его предшественников, с самого начала своего правления решил противостоять. Однако прежде чем прибегнуть к насильственным мерам, он хотел добиться выплаты большого долга, причитающегося ему и его подданным. Французы, имея веские основания полагать, что, как только он получит всю сумму, которую они обещали выплатить, найдет какой-нибудь предлог, чтобы изгнать их из своих владений, возможно, прибегли к старому способу – удержание части долга, чтобы помешать правителю Алжира осуществить такой план. Консул Деваль, возможно, создавал или увеличивал трудности, его поведение было признано крайне неблагоприятным и неподобающим даже самими французскими властями, и оно было осуждено как оскорбительное и провоцируемое деем, а также большей частью консульского корпуса в Алжире.

Дей Хусейн отказался извиняться перед Францией и стал активно готовиться противостоять нападению, которое, как он имел все основания полагать, вскоре будет совершено на его страну.

Французы на первых порах блокировали алжирский порт весьма условно. Их эскадра обычно состояла из двух фрегатов и четырех или пяти небольших судов, которые стояли перед входом в бухту, но почти не препятствовали проходу судов ни внутрь, ни наружу. Через несколько дней после объявления войны несколько алжирских крейсеров вышли из гавани и нанесли большой ущерб французским торговым судам вопреки существующим между двумя странами договоренностям. Затем они отправили свои трофеи для продажи в различные порты Варварии и даже Испании [11, р. 74].

Весной 1828 г. Франция решила возобновить переговоры о мире, и капитану Бозарту было поручено отправиться в Алжир и прощупать почву в беседах с сардинским консулом. Кабинет Мартиньяка, только что пришедший к власти, использовал все средства, чтобы обезопасить шаткий трон короля Карла X, и стремился уладить спор, который привел к огромному увеличению расходов без какой-либо отдачи. Однако чувство собственного достоинства, или, скорее, боязнь задеть тщеславие нации, не позволяло им, по-видимому, делать какие-либо авансы после оскорбительного отказа дей от извинений. Поэтому были приняты все меры к тому, чтобы не было никаких видимых прямых контактов с алжирским правительством; но алжирцам намекнули, что если дей пошлет посла в Париж, то разногласия между двумя странами могут быть улажены.

К несчастью для будущей судьбы Алжира, дей Хусейн проявил упрямство и недалекость: вместо того, чтобы отправить в Париж посла, он потребовал, чтобы к нему прибыл полномочный посланник Франции. Инертность французов на протяжении более чем трех лет позволила дею Хусейну относиться к их угрозам с равнодушием. Он отнюдь не предвидел крайних мер, к которым они собирались прибегнуть. Все предложения посредничества были Алжиром отвергнуты.

Судьба Алжира была окончательно решена, когда во Франции летом 1829 г. сменилось правительство. Граф де Бурмон, смелый и деятельный новый глава Военного министерства, был сторонником экспедиции против Алжира [2, с. 143]. Подготовка к осуществлению этого намерения была немедленно начата во всех портах и арсеналах Франции. Помимо военных приготовлений, французы основательно проштудировали работы, относящиеся к Северной Африке, и записи предыдущих экспедиций против Алжира, с тем чтобы знать план местности и возможные трудности при штурме. Тулон был выбран в качестве места, откуда должны были отплыть корабли с вооружением и войсками.

Цель этих приготовлений после того, как они были сообщены в общих чертах правительствам других европейских наций, была публично обнародована королем в его обращении на открытии законодательной сессии парламента 2 марта 1830 г. На объявление о своих намерениях в отношении Алжира французское министерство получило самые удовлетворительные ответы от многих держав Европы, кроме Великобритании, ревниво следившей за происходящим и опасавшейся усиления Франции в Средиземноморье [1, с. 77].

Дей начал срочные сборы войска, точное количество которого установить невозможно; французские историки утверждают, что их было 72 тыс. человек [9, р. 72]. Другие сведения, возможно, столь же достойные доверия, указывают меньшие цифры. Численность того, что можно назвать регулярными войсками Алжира, по-видимому, составляла 22 тыс. человек [8, р. 21]. Помимо этого, к войску дея примкнули 5 тыс. турок или янычар, 7 тыс. арабских всадников, 10 тыс. мавров, а также 10 тыс. кабилы [9, р. 74]. Консул США в Алжире майор Ли сообщал, что иррегулярные силы превысили 30 тыс. человек [7, р. 57].

3 июня часть флота, перевозившего французскую армию вторжения, была замечена у берегов Алжира. Ожидалась немедленная атака, и дей приготовился оказать ей сопротивление, хотя к тому времени прибыло не более половины войск, которых он ожидал. Поскольку предполагалось, что высадка будет предпринята на побережье к западу от Алжира, часть армии дея выступила в этом направлении и разбила лагерь на равнине у моря.

Но французские корабли двинулись на запад, они обогнули мыс Каксин и затем изменили курс на юг, так что не оставалось никаких сомнений относительно намерения командующего попытаться высадиться в Сиди-Ферруше. Стало ясно, что алжирцы не предприняли никаких мер предосторожности, которые могли бы помешать высадке. На Сиди-Ферруше не было воздвигнуто никаких укреплений, кроме береговой батареи у мыса и башни на холме, которые были пусты. К заходу солнца все суда встали на якорь в назначенных местах, и немедленно начались приготовления к высадке. Поскольку алжирцы не могли помешать процессу, вся французская армия и значительная часть артиллерии, боеприпасов и провизии были доставлены на берег до наступления ночи. Однако в намерения командующего генерала Бурмона не входило немедленное наступление на г. Алжир, так как часть людей и вооружений – конница и тяжелая артиллерия – еще не прибыли. Поэтому он решил дожидаться прибытия кораблей и в то же время посвятить все свои усилия укреплению полуострова, чтобы тот мог служить как склад его материальных средств во время наступления армии и местом отступления в случае непредвиденной катастрофы. Поначалу у французов возникли некоторые трудности из-за ограниченного запаса воды, но вскоре они были устранены, так как она была найдена в изобилии на глубине нескольких футов под поверхностью.

15 июня стало известно, что алжирцы разбила свой лагерь примерно в 3 милях от передовых позиций французов, в месте, обозначенном проводниками экспедиции как Сиди-Халеф [3, р. 169]. Между двумя армиями лежал необитаемый участок, пересеченный небольшими оврагами и заросший кустарником, под прикрытием которого алжирцы могли приблизиться к аванпостам захватчиков и, таким образом, досаждал им беспорядочными атаками. Единственным действенным средством сдержать их было щедрое применение артиллерии.

23 июня прибыли последние недостающие силы французов, в том числе лошади для конницы. К войскам алжирцев, расположенным в Сиди-Халефе, также прибыло подкрепление – два кавалерийских корпуса. Укрепления полуострова были также к этому времени закончены, линия работ длиной в полторы тысячи ярдов была проведена поперек перешейка и вооружена двадцатью четырьмя пушками [10, р. 37]. Таким образом, почти все сухопутные войска французов были приведены в боевую готовность.

Когда все необходимые приготовления были закончены и несколько орудий были доставлены в тыл французского лагеря, генерал Бурмон привел свои войска в движение. Цель французов состояла в том, чтобы как можно скорее захватить дворец дея – Касбу. К вечеру 3 июля приготовления к бомбардировке дворца были закончены, рвы вырыты на расстоянии более двух тыс. ярдов, и батареи, некоторые из которых находились в пределах мушкетного выстрела от стен, были вооружены 6 шестнадцатифунтовыми, 10 двадцатичетырехфунтовыми, 4 одиннадцатидюймовыми мортирами и 6 девятидюймовыми гаубицами [12, р. 92]. Чтобы обезопасить себя от нападения, французы также установили связь между различными частями своих войск по дорогам через поля и сады, забаррикадировали или иным образом укрепили переулки и проходы, которые отделяли их позиции от расположения их врагов. Все это было сделано, несмотря на смелые и настойчивые усилия алжирцев, которые вели почти постоянный, хотя и плохо направленный огонь по французским солдатам со своих батарей и раздражали их частыми вылазками.

На рассвете 4 июля из квартиры французского командующего была выпущена ракета как сигнал к началу атаки, и все батареи немедленно открыли огонь по дворцу. Его бесстрашные защитники ответили огнем, который они продолжали в течение некоторого времени с большим пылом, но с небольшим эффектом, их снаряды едва ли причинили какой-либо ущерб осаждающим. Стены дворца, высокие и совершенно голые, вскоре стали свидетельствовать о мастерстве французских артиллеристов: материалы, из которых он был построен, рассыпались под «железным дождем», который обрушился на них.

Алжирцы, осознавая неизбежность поражения, прежде чем покинуть дворец, подорвали пороховые склады в его подвалах. Когда дым рассеялся, стены крепости были разрушены, огромная башня превратилась в бесформенную массу, а земля вокруг покрылась обломками стен, трупами и даже пушками, которые были выброшены в воздух силой взрыва. Французы вскоре пришли в себя и с торжествующими криками бросились вперед, водрузив свое знамя среди дымящихся развалин. Едва это было сделано, как проворные французские инженеры приказали рабочим расчистить внутреннюю часть здания и заделать бреши в его внешних стенах, чтобы защитить его от нападений прежних владельцев. Руины тут же были заняты, и на них велись приготовления к установке батарей для бомбардировки города [13, р. 85].

В два часа Сиди Мустафа, личный секретарь дея, явился под флагом перемирия в штаб-квартиру генерала Бурмона с предложением оплатить расходы, связанные с экспедицией, при условии, что французы покинут страну. Едва ли нужно говорить, что это предложение было отвергнуто с презрением. «Я держу в руках, – был ответ Бурмона, – судьбу вашего города. Ничто меньшее, чем его безоговорочная капитуляция, не может спасти дея и жителей от погребения в его руинах» [Цит. по: 8, р. 25]. Хусейн видел, что его судьба находится во власти врагов, и вся его тревога состояла в том, чтобы добиться как можно более хороших условий для себя и своего ближайшего окружения. Поэтому он послал турка по имени Махмуд и мавра Бударба, жившего в Марселе и говорившего по-французски, умолять прекратить огонь, обещая такое же прекращение со стороны алжирцев. Сначала они получили тот же самый ответ, который был дан секретарю, затем между ними и Бурмоном состоялись переговоры, в результате которых военные действия были приостановлены.

В конечном итоге стороны достигли договоренности, что Касба и все другие крепости города должны быть переданы французам ранним утром следующего дня; дей и его приближенные могут покинуть Алжир со своими семьями и частной собственностью; жители будут пользоваться защитой в смысле личной свободы, собственности и религии; местные женщины будут пользоваться уважением, а алжирская торговля и ремесла могут продолжать работу как прежде [14, р. 73]. Генерал Бурмон получил от Хусейна ключи от сокровищницы и в сопровождении уполномоченных, назначенных для этой цели, приступил к осмотру ее содержимого.

Сколько французов погибло во время захвата, точно определить невозможно. Между 14 июня, днем высадки в Сиди-Ферруше, и 5 июля, когда сдался г. Алжир, предполагается, что не менее 600 человек было убито и 2500 ранено [15, р. 127]. О потерях со стороны алжирцев нет никаких сведений, но они, вероятно, были больше, чем у французов.

11 августа известие о капитуляции Алжира достигло Парижа и было встречено с величайшим энтузиазмом всеми слоями населения. Бурмону был послан жезл маршала Франции.

Дей Хусейн и его зять Ага Ибрагим вместе со своими семьями и сопровождающими в количестве ста человек поднялись на борт фрегата «Жанна д'Арк», направлявшегося на о. Менорка, унося с собой, как говорили, несметные богатства. С Менорки они проследовали в Неаполь, затем в г. Легхорн, в окрестностях которого бывший дей провел год. В 1831 г. Хусейн посетил Париж, где, конечно, стал объектом всеобщего внимания. Благочестие впоследствии побудило его совершить паломничество в Мекку, он умер в Египте в 1835 г. в возрасте около 70 лет [8, р. 61].

Захват Алжира очень напугал и сделал более сговорчивыми монархов других варварийских государств. Результатом переговоров Франции и бея Туниса стал договор, подписанный 8 августа, положения которого были, по-видимому, более либеральными и почти универсальными в применении, чем положения любой конвенции, заключенной ранее между христианским государством и варварийской провинцией. Тунисский бей совершенно определенно отрекся для себя и своих преемников от права крейсировать против любой нации, которая также не будет крейсировать против Туниса. Христианские военнопленные отныне не должны были обращаться в рабство ни при каких обстоятельствах, но могли рассчитывать на медицинскую помощь. Иностранные суда, потерпевшие крушение у берегов регентства, не должны подвергаться разграблению; их экипажи имели право получать всяческую помощь. Лица, виновные в жестоком обращении с ними или их ограблении, подлежали наказанию, а правительство несло ответственность за любой ущерб, причиненный личности или имуществу европейцев [14, р. 88]. Схожий договор Франция с легкостью подписала и с властями Триполи.

Таким образом, захват Алжира Францией был обусловлен недоверием и конфликтными отношениями в вопросах средиземноморского мореплавания, концессий на добычу кораллов у берегов регентства, выплаты долгов за поставки алжирской пшеницы во Францию. Накапливаясь, данные противоречия привели к открытому противостоянию двух стран и морской блокаде со стороны европейского королевства. Французская монархия использовала войну в Северной Африке как средство легитимации новых форм правления внутри страны. Исследование показало, что в доведении ситуации до прямого вооруженного конфликта сыграли роль и неуступчивость, и нежелание идти на компромисс дея Алжира Хусейна. Утрата государственной независимости Алжиром имела большие международные последствия и положила начало новому этапу в истории Северной Африки и Средиземноморья в целом. В эту новую эпоху колониальных захватов государства Магриба постепенно утрачивали авторитет и самостоятельность, чтобы в конце концов стать объектами дележа европейских метрополий.

Список источников

1. **Жерлицына Н. А.** Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2017. № 4. С. 75-91.
2. **История Алжира в новое и новейшее время** / ред. А. А. Громыко. М.: Наука, 1992. 378 с.
3. **Abun-Nasr J. M.** A History of the Maghrib. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. 455 p.
4. **Ajam M.** Problemes Algeriens. P.: Emile Larose, 1913. 365 p.
5. **Boutroue A.** L'Algérie et la Tunisie à travers les âges. P., 1893. 431 p.
6. **Carette E.** Etudes de l'Algérie et de la régence de Tunis. P., 1842. 367 p.
7. **Ferriol M.** Demain en Algérie. P., 1905. 289 p.
8. **Greenhow R.** Barbary states. Richmond, 1835. 80 p.
9. **Julien Ch.-A.** Histoire de l'Afrique du Nord: in 2 v. P.: Pavot, 1978. Vol. 2. 446 p.
10. **Laurie G. B.** French conquest of Algeria. L.: Naval & Military Press, Ltd., 2005. 217 p.
11. **Leroy-Beaulieu P.** L'Algérie et la Tunisie. P., 1887. 472 p.
12. **Monlau J.** Les états barbaresques. P.: Presses Universitaires de France – PUF, 1973. 443 p.

13. Nesbitt F. E. Algeria and Tunis. L., 1906. 246 p.

14. *Traites de la France avec les pays de l'Afrique du Nord*. P., 1906. 512 p.

15. Valensi L. *Le Maghreb avant la prise d'Alger*. P.: Flammarion, 1969. 140 p.

French Conquest of Algeria in 1830 as It Is Viewed by the European Authors of the XIX Century

Zherlitsyna Natal'ya Aleksandrovna, Ph. D. in History
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
 ns_inafr@mail.ru

The article analyses the causes that motivated France to conquer the regency of Algiers in 1830 and reveals the role of the Algerian authorities who underestimated the coming danger and couldn't preserve the country's independence. The study is based on the analysis of the French and English sources of the XIX century, which contain historical details not previously introduced into scientific circulation. The analysis of the circumstances preceding the military operation of 1830 testifies that when invading to Algeria, France sought to solve its home-policy problems rather than committed purposeful colonial invasion.

Key words and phrases: regency of Algiers; France; Mediterranean trade; Barbary piracy; colonial invasion.

УДК 94(430).085

Дата поступления рукописи: 13.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.11>

В статье выявляются искаженные и политизированные концепции историографии Ноябрьской революции в Германии от констатации полной зависимости новой власти от военных и монополистического капитала до трактовки революции как череды ошибок и предательств демократии со стороны левых партий. Авторы проясняют и уточняют логику развития революционного движения 1918 г. в Баварии на фоне Первой мировой войны. В работе подчеркивается, что рассматриваемые события представляли собой скорее стихийную мобилизацию правых сил, чем социальную революцию.

Ключевые слова и фразы: Германия; Ноябрьская революция; Первая мировая война; коммунисты; социал-демократы; анархисты; правые силы.

Пленков Олег Юрьевич, д.и.н., профессор
 Санкт-Петербургский государственный университет
 oleg.plenkoff@yandex.ru

Самылов Олег Валерьевич, д. филос. н., доцент
 Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
 sam_ol@mail.ru

Политические парадоксы Ноябрьской революции и контрреволюции в Германии

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

Американский моралист XIX века Ральф Уолдо Эмерсон предостерегал: «Анализируя историю, не слишком углубляйтесь в нее, ибо часто причины лежат на поверхности» [Цит. по: 3, с. 34]. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии – это как раз тот случай, когда нужно последовать этому совету. Логика развития Ноябрьской революции многократно описана в отечественной историографии. Революция рассматривается здесь сквозь призму «ревизионистской» позиции руководства Социал-демократической партии Германии (СДПГ), его полной политической несамостоятельности и зависимости от военных и монополистического капитала. В современной немецкой историографии также присутствует определенная аберрация рассмотрения истории этих событий, правда уже с леволиберальным уклоном. В этом случае замалчиваются объективные исторические обстоятельства, повлиявшие на ход событий. Революция трактуется не как политический переворот, а как простая смена декораций при сохранении у власти прежних бюрократических элит. В принципе, это, конечно, так и есть, но для более глубокого проникновения в сущность происшедшего необходимо внести ряд уточнений и переносов акцентов в трактовке одного из ключевых событий истории Германии в XX веке. Именно эти парадоксы Ноябрьской революции по большому счету можно считать наиболее ясными «объективными» послылками национал-социализма. Активно и весьма артистично спекулируя именно на этих парадоксах, Гитлер смог обеспечить себе полулегальный приход к власти 30 января 1933 г. В этой связи постановка цели исследования определяется необходимостью дифференциации политизированных трактовок Ноябрьской революции 1918 г. и научного понимания событий, происходивших в Германии в данное время.